

ИНЖЕНЕР

ЧАСТЬ 8. РАБОЧИЙ ЧЕРТЁЖ

Евгений Южин

Евгений Южин

Инженер. Часть 8. Рабочий чертеж

«Автор»

2023

Южин Е.

Инженер. Часть 8. Рабочий чертеж / Е. Южин — «Автор», 2023

Не каждому инженеру это знакомо: вот ты задумал нечто, вот заточил, как волшебную палочку, карандаш, а вот уже ходишь рядом с собственной мыслью во плоти — можешь потрогать, погладить изделие. Красота! Но где, скажите мне на милость, вы видели волшебника, забросившего свой посох после первого же заклинания? Вот и я говорю: это другая история!

© Южин Е., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Часть 8. Рабочий чертеж	5
1	5
2	10
3	16
4	23
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Южин

Инженер. Часть 8. Рабочий чертеж

Часть 8. Рабочий чертеж

1

Это можно было назвать экскурсией – богатый турист, мучаемый бездельем и любопытством, убивает время между легким завтраком и комфортабельным обедом, знакомясь с особенностями местного производства хлеба.

Хотя какого еще хлеба?! Далекие предки аборигенов явились на планету во всеоружии: козы, овцы, какая-то волосатая разновидность крупного рогатого, полосатые хрюшки, вот только злаков не завезли. Они, правда, растили нечто похожее на ячмень. Наверное. Наверное – не потому, что сами они называли это растение «кора» и оно, ясен пень, должно было измениться за тысячи лет, а потому, что из туриста ботаник – как из московского айтишника оленевод. Кора эта почиталась священным растением, использовалась главным образом в производстве какого-то ритуального напитка, росла в местных условиях неохотно и не везде. Ели же аборигены деревья.

Опять двадцать пять! Какие деревья?! Местная флора, если ее вообще можно так назвать, только внешне напоминала земные растения. Как правило, над почвой возвышались лишь поверхностные части большого организма, отчего леса с высоты напоминали лоскутные одеяла – пересечение разных видов на одном участке было редкостью и, вероятно, объяснялось сложной структурой симбиоза. То ли из-за более низкой по сравнению с Землей гравитацией, то ли еще по каким причинам, деревья – назовем их все же так – достигали впечатляющих размеров. Съедобный бамбук, как я обозвал про себя этот хлебный вид, редко когда бывал ниже двадцати метров. Разумеется, с земным его роднил лишь характерный облик сегментированного ствола, увенчанного в верхней трети легкими пушистыми отростками, охотно отзывавшимися шевелением на малейшее дуновение ветра.

Обширные участки этого вида покрывали невысокие холмы юга, сбегавшие к теплому океану. Никто его не разводил, он рос в совершенно диком состоянии. Мелкие реки, сбегавшие с тех холмов, никогда не знали величия Дона, сразу отдавая всю свою влагу морю и попутно неся к побережью узкие и длинные плоты, собранные местными лесорубами из обрубков стволов неземного растения. В многочисленных артелях на берегу бревна собирали, окончательно разделявали, избавляя от толстой и прочной кожуры, и отправляли полученные субпродукты морем на север.

Основную площадь территории хлебозавода, расположенного недалеко от Арракиса, занимали бесконечные ряды стеллажей, на которых прямо под открытым небом сушились эти полуфабрикаты. Рядом со мной возвышалось одно из таких сооружений, плотно забитое своеобразными дровами. Я похлопал ладонью по светло-бежевому длинному полену полуметрового диаметра. В свежем состоянии сердцевина хлебного бамбука напоминала настоящую древесину, только без сучков и годовых колец. Вроде мягкая, слегка прохладная на ощупь, она категорически не поддавалась моим попыткам поцарапать поверхность ногтем. С другой стороны неширокого тенистого прохода, где я прятался от палящего светила, лежало сырье, уже достигшее должной спелости. Изначально красивые светлые цилиндры скукожились, растрескались, посерели и легко крошились под пальцами, пачкая мелкой пылью. Пара рабочих неподалеку собирала их, загружая в глубокую телегу на высоких колесах. Молодой улыбчивый

парень, весь с ног до головы покрытый пылью, стоя на спицах колеса, лупил деревянным, по виду тяжелым молотом по каждому полену, которые сноровисто подавал напарник. Хрупкие дрова трещали, ломались и осыпались в емкое нутро шуршащими бесформенными кусками. Я поспешил уйти подальше от пыльного облака, сопровождавшего движение нехитрого транспорта. Быстро дошел до широкого прохода, разрезавшего бесконечные ряды стеллажей, огляделся ориентируясь и споткнулся взглядом о далекую фигурку пожилой скелле. Та, не скрываясь, рассматривала меня.

Это сидя на Земле мне казалось, что Ана не задумываясь прыгнула следом, руководствуясь высоким порывом чувств. После возвращения быстро выяснилось, что расчетливая хладнокровная скелле никуда не делась, – на Мау, у приметного горного озера, нас встречала целая делегация. Как выяснилось, на месте непрерывно работала постоянная экспедиция Ордена с единственной целью: не пропустить наше возвращение. Сидя в восьмигранной округлой палатке, более похожей на шатер из фильмов про Средневековье, вслушиваясь в поток новостей, жадно поглощаемых моей высокопоставленной супругой, я впервые встретил ту скелле. Тогда она молчала. Я едва заметил ее в мельтешении и суете, царивших под мокрым брезентом. Сейчас был уверен: она здесь по мою душу.

Кивнул, еще раз огляделся – малолюдный хлебозавод жил своей нехитрой жизнью, с виду ясной и незамысловатой – и двинулся навстречу.

Незнакомка, заметив это, спряталась в тени высокого стеллажа, и какое-то время пришлось брести в совершенном одиночестве. Подумалось: «Ничему я не научился – помани загадкой, и я вновь лезу в неизвестность с головой». Воспоминания о прошлых ошибках заставили насторожиться, и в боковой проход я заглянул, баюкая шарик с соляным кристаллом в кармане и напрягая так и не успевшую восстановиться за краткое время, проведенное на Земле, чувствительность к магии.

В проходе никого, кроме скелле, не было. Она устало сидела на одиноком чурбаке, прилягая к высокой поленнице и вытянув ноги под широкой юбкой. Индейское лицо, может быть, легкая примесь древних – слишком темная кожа, черные прямые волосы, собранные в пучок, неопределимый возраст – сорок, пятьдесят, шестьдесят? Еще ни разу на моей памяти скелле в присутствии посторонних не вели себя так – так расслабленно, по-свойски. Будто обычная бабушка, устав от долгой ходьбы, присела в тенек успокоить гудящие ноги. Постоял, разглядывая. Незнакомка, наклонив голову, невозмутимо всматривалась в меня, затем, так и не проронив ни слова, похлопала ладонью по чурбаку: садись, эль.

Я, честно сказать, с удовольствием угнездился рядом. Легкий сквозняк пах пылью хлебного дерева, вдалеке слышались размеренные удары молота.

– Как вас зовут?

– Сорбаса, – она все еще рассматривала меня, потом отвернулась и проговорила в сторону: – Удивительно, совсем не изменились! Такие же молодые!

– Вы про меня и Ану?

– Ну а про кого же еще? – она немного помолчала, вздохнула. – Честно говоря, я думала, больше никогда вас не увижу.

За последнее время, признаться, тема мне уже поднадоела, поэтому я спросил прямо:

– Как вы здесь оказались, Сорбаса?

Она с удивлением повернулась:

– То есть как? Ты пришел на мой завод и спрашиваешь, что я тут делаю?

Пожал плечами:

– Извините, не знал, – в свою очередь взглянул на нее. – Мне показалось, вы хотели о чем-то поговорить? Нет?

– Не показалось, эль, не показалось, – она снова вздохнула, проговорила со значением: – Я присутствовала на совещании маути, когда стало известно, что за гостинец отправила тебе Старшая.

Снова пожал плечами: и что? Молчал. Сорбаса тоже молчала. Потом, видимо, решила, что туповатому элю надо все же объяснить, заговорила:

– Скелле по-разному относятся к древним клятвам, эль. Большинство о них уже забыло или считает их сказками. Но есть очень немногие маути, которые их чтут, и я одна из них.

Я повернулся. Ее глаза следили за мной:

– Я хочу, чтобы ты знал, эль, на том совещании я была одна такая. И я была единственная, кто был против того, чтобы Ана последовала за тобой.

– Почему?

– Ты эль! У тебя свой путь, начертанный богами. Не наше дело вмешиваться! Остальные забыли об этом. Они используют тебя в собственных мелких интересах.

– Меня это вполне устраивает. Иначе бы я не смог вернуться. Да и кто знает, что задумали боги?

– Ты не понимаешь! – Сорбаса, похоже, разозлилась – я почувствовал легкий звон в ушах и позабытое шевеление лепестков магии на лице. – Кто такая Ана без тебя? Одна из потомков древних. И что?! Таких у нас – как лохов в море! – скелле сделала паузу, чувствовалось, как ее тренированная личность возвращала контроль над телом, я терпеливо ждал. – Извини. Просто я верю в древние легенды, верю, что ты появился не просто так, и искренне желаю, чтобы твой путь завершился, – она нахмурилась, бросила быстрый взгляд на мое лицо, удовлетворенно кивнула, очевидно довольная реакцией, продолжила без паузы: – Я знаю, тот эль, что был до тебя, остановился. Знаешь почему? Его купили. Купили комфортной и сытой жизнью. Все, что я хочу, чтобы ты знал, – тебя здесь используют. Никого, включая Ану, – она снова покосилась на меня, – не интересует, что задумали боги. Более того, они этого боятся. Гораздо комфортнее приручить эля и жить, как прежде.

Она умолкла. Я откинулся на прохладные кругляши свежих стволов и тоже молчал. Слова этой скелле перекликались с моими собственными мыслями, с тем, что беспокоило. Я по-прежнему не мог пользоваться даром Храма – Источник выворачивал душу наизнанку, стоило мне нырнуть к новым символам. Если не найду способ справиться с этим, то только и останется, что бродить по планете свадебным генералом. Всплыла и оформилась до того ютившаяся где-то на задворках сознания идея:

– Сорбаса, а вы когда-нибудь надевали шлем? – я поймал удивленный взгляд и поспешил добавить: – Ну тот, который надевают на скелле, когда не хотят, чтобы они пользовались искусством.

– Зачем это тебе?

– Надевали? – я не ответил. – Как это? Мне интересны ваши ощущения, он что, как-то блокирует Источник? Все хотел проверить, да руки не доходили.

Скелле нахмурилась, покачала головой, но ответила:

– Ничего он не блокирует. Не видел? Он изнутри оклеен обломками стекла из Радужного разлома, – она зашевелилась, подтянула ноги, выпрямилась, как будто собиралась встать, но не поднялась, искоса взглядела в меня. – Ты, эль, что такое калейдоскоп, знаешь?

Я кивнул. Местная версия земной игрушки ничем не отличалась от инопланетного изобретения.

– Ну вот. Это так же – все крутится, переливается, дробится. Применяй искусство, сколько тебе влезет, вот только результат непредсказуем и чаще всего заканчивается поломкой самой хрупкой детали – жизни самой скелле.

Последнее Сорбаса произнесла, уже вставая. Выпрямилась, отчего сразу стало понятно, что рядом со мной отнюдь не усталая бабушка, а смертельно опасная носительница древнего искусства. Даже не успев подумать, машинально поспешил следом, поднялся.

Сорбаса дождалась того мгновения, когда я замер, пытаясь разгрести теснившиеся в голове мысли, и, глядя снизу вверх, но ухитряясь при том оставаться вровень, размеренно, как говорят школьные учителя, бросила:

– Не продавайся, эль! Закончи, что начал!

Она развернулась и быстро зашагала прочь. Только властительницы Мау так могут – ввевшиеся за годы привычки непреодолимы. Эль я или нет, скелле говорит тогда, когда считает нужным, и то, что считает достаточным. Ладно еще приветствия да прощания на планете не в чести, но могла бы для приличия поинтересоваться, считает ли ее собеседник разговор оконченным или нет.

Какое-то время смотрел в спину удалявшейся женщины, потом в полголоса пробормотал, скорее, для себя:

– Будьте здоровы, – и сам же себе ответил: – И вам не хворать.

Но она услышала – хрен ее поймешь, может, у нее магия через акустические колебания проявляется, кто знает, – остановилась, обернулась, я заметил вполне человеческую улыбку на лице, махнула рукой и окончательно скрылась за поворотом.

Вот ведь зараза! Только расслабился, почувствовал себя на каникулах после земных приключений, – вылезла. Для меня всего ничего, а она двенадцать земных лет – надо бы пересчитать, сколько это местных – ждала. Напомнила. Эль ты или так, турист заплутавший? Отдыхаешь? Ну-ну.

И ведь права, чтоб ее лохи сожрали! Жизнь у меня теперь – малина спелая! Столько лет прошло, а Сам еще живой, монарх без имени, где-то в плавнях, как говорят, на вечной рыбалке прохлаждается, Старшая сестра, по слухам, тоже жива – за морем в эмиграции тихо сидит, небо коптит. Сына скоро привезут – здоровый уже парень должен быть. Супруга в Ордене – первое лицо. Насколько я понял, контора эта и без нее прекрасно справлялась, но если раньше авторитет новой власти опирался на прекрасную легенду, это я про Ану, то теперь она сама тут как тут – все такая же прекрасная и с опасным домашним элем под мышкой. К тому же эль – эксклюзив. Поэтому конкуренты тихо шипят по углам, а супруга активно наводит свои порядки. Зримым символом которых – частный авиазавод, аэропорт и летная школа семейства Уров. Пока лишь как планы, но, зная упертость Аны во всем, что касается неба, сомневаться в их реализации глупо. Скоро флотилии дозволенных аэролетов избороздят, как говорится, просторы.

Живи и радуйся. Что-то мне подсказывало: история моего предшественника, третьего по храмовому счету эля, повторяется. Соблазнительно! Хочешь мастерскую? – Построят. Школу? – Соберут лучших учеников. Твори, путешествуй, созидай! Быт налажен, почет и боязливое уважение обеспечены. Лет через триста-четыреста очередной эль найдет обломки былого величия и сказку о бороздивших небо древних. А шансы на это есть. Слишком могучие источники энергии под боком, и слишком уж архаичное общество – маги, волшебники, дары богов. Это же не они самолет изобрели – дар. Вот к звездам собирались, а новую физику кто заложил? Опять дар. И так, куда ни плюнь, вмешательство то ли богов, то ли пришельцев. Это как атомное оружие средневековым баронам да графьям торжественно вручить. Нечего сомневаться – применяют при первой же возможности! Ну или на крайний случай дождутся, пока след дароносцев простынет, и все равно применяют.

Тень от поленницы укоротилась, и жаркий язык местного светила лизнул лысину. Я вынырнул из своих невеселых мыслей и осмотрелся. Ага, река там – значит, мне вон туда. Шагалось легко, под ногами хрустело крошево хлебного дерева, а в голове крутилась свежая идея. Что мне мешает пользоваться даром Храма? Это как пытаться читать под слепящим

сверканием сварки! И если загородиться от него невозможно, то можно же как-то рассеять, придать гомогенности. Пусть свет, но не от точечного источника, а от протяженной однородной поверхности. Катафоты вон на Земле для этого и изобретены – отражают его равномерно по всем направлениям. Материал для этого есть – стекло из Радужного. Да и местные что-то подобное в форме шлема для обуздания капризных скелле давно изобрели. Там, правда, хаотичный набор осколков, а мне его явно потребуется как-то упорядочить, но это уже детали. Остается работать! Это цель. Хватит с меня туриста! Самолет, конечно, вещь! Но я еще помнил, как свободно перемещался на Земле сам по себе там, где местную летающую самоделку ни за что бы не допустили к полетам из соображений безопасности. Кажется, наконец сообразил, что угнетало все время после возвращения, – потеря возможности пользоваться и исследовать дар Храма. А ведь именно через него и ведет та тропа, которую местные, не сговариваясь, обозвали путем эля. Вот он, совсем рядом, – близок локоток, да не укусишь! Я на ходу оскалился: «Врешь! Не возьмешь! И не такие локти кусали!»

2

– Тонар!

– Да, господин.

Мой подручный и по совместимости слуга в имении Уров застыл на пороге мастерской. Окна распахнуты, солнце ярко освещает противоположные башни, внизу, во дворе, ревет разбуженным медведем начальник охраны, разнося подчиненных. Тонар – совсем молодой парень с хитрыми глазами – замер, как суслик, испуганный неожиданным шумом. Я-то думал, что он уже удрал, вот и орал от всей души, а он тут. Внизу тоже притихли. Не иначе решили: сейчас рванет. Стало немного неловко за проявившиеся барские манеры, но вида не показал, – нельзя, сочтут за слабость.

– Мне нужен кусок стекла побольше, – проговорил я нормальным голосом и показал руками примерный размер. – Принеси.

Тонар и не подумал сдвинуться:

– Так нет такого.

– Как это? – я удивился. – В доме Уров, хозяев Радужного, не найти стекла?

– Так не бывает таких.

– Каких таких?

– Таких огромных, – спокойно ответил подручный уже расслабленно, небрежно подперев дверной проем.

– А какие бывают?

– Ну, любые. Разные. Но таких – не, не бывает.

– Слушай, Тонар, – мой тон не обещал ничего хорошего, и тот подобрался, отклеившись от дверной коробки, – ты какой самый большой кусок в жизни видел?

– Самый большой кусок, – четко, как на экзамене, затараторил парень, – в комнате скелле Аны. И это самый большой из когда-либо найденных.

– Хорошо, – сдался я, – тащи его сюда.

Парень побледнел и отрицательно завертел головой:

– Я не могу, хозяин.

– Понял. Отставить, – буркнул и ринулся из мастерской, на ходу ворча под нос: – Что за жизнь? Все сам, все сам.

– Хозяин? – задушенно пискнул вслед Тонар.

Я обернулся. Вгляделся в испуганную физиономию слуги, успокоил:

– Не переживай. Ты ничего не говорил, – на секунду задумался. – И вот еще: а как этот кусок выглядит?

– Так зеркало. Вы же видели его.

Я удивился, но промолчал, зашагал по коридорам в башню, где располагались личные покои великой маути, укротительницы элей и основательницы нового Ордена. Действительно, видел я у нее зеркало, – ничего особенного: неправильной формы овал сантиметров двадцати в поперечнике, оправленный бронзой с небольшой ручкой. Никогда бы не подумал, что на такую безделицу пошел самый большой кусок магического стекла. Интересно, есть ли в этом смысл? Источнику плевать, что на бронзу, что на серебряную амальгаму. Стекло из Радужного разлома следовало использовать на просвет, исследуя преобразованный на кристаллических материалах поток. Может, я еще чего-то не знал. Но, сколько я помнил, Ана никогда этим зеркалом не пользовалась. Вероятно, вся его ценность именно в размере. Как бы то ни было, мне было плевать на любые последствия. Я вернулся, бодро шагал по тропке возможностей к неясному финалу, и ничто меня остановить не могло. Ну, во всяком случае, мне приятно было так думать.

Несколько дней экспериментов в пустовавшем имении подарили надежду на успех. Первые попытки защититься от Источника с помощью наскоро наклеенных на подходящую доску разнокалиберных осколков магического стекла показали перспективность выбранного пути. Поток – как музыка, сильная и яркая. Символы, записанные Храмом, – совсем другая мелодия. Незащищенный, я как бы пытался расслушать малопонятную оперу, пока рядом гремел рок-концерт. Искжаясь на осколках, музыка Источника ломалась, теряла ритм и мелодию, рвалась на клочки. И чем мельче были эти кусочки, тем явственнее проступала слабая песня символов. Как если бы я пытался расслышать мелодию, пока рядом шипел ненастроенный телевизор. Я уже чувствовал: еще немного, еще мельче размер осколков – и я смогу отгородиться, отодвинуть на задний план невыносимый в чистоте поток. Пытался толочь стекло в мелкую кашу – помогало, но плохо, стало ясно: кроме размеров, играла роль упорядоченность, равномерность распределения рисунка. Выяснил, что оптимально – наложение под углом в сорок пять градусов двух сеток из элементов с пирамидальными вершинками. Но, лохи задери, это же настоящее ювелирное искусство! Я так полжизни проведу, выклеивая под микроскопом инопланетный катафот! А до того еще, блин, микроскоп этот соорудить надо!

К счастью, подвернулся относительно крупный осколок с плоской поверхностью. Вооружившись каленым шилом и линейкой, весь вечер накануне и часть утра я провел, расчерчивая капризный материал. Некогда полированная поверхность покрылась мутным серым пятном, выглядевшим под сильной лупой неряшливой пашней, созданной бухим пахарем на такой же пьяной кобыле. Но эффект был! Да, пятнышко было слишком маленьким, поток безжалостно прорывался, сметая сознание, но я впервые почувствовал некоторое облегчение, как будто посреди могучего водопада открылось крохотное окошко относительного спокойствия.

Мне нужна заготовка. Настолько большая, насколько возможно! И я ее получу, даже если на моем пути встанет не только весь Орден, но и любимая женщина. Прости, Ана, меня уже не переделать. Я как наркоман, одержимый болезненной страстью, забываю о семье и доме, влекомый тайной. А тут еще такая тайна!

Так. Вот я в покоях супруги. Где это чертово зеркало? Комната в башне на противоположной от мастерской стороне залита солнцем. Слепящие квадраты окон раскинулись фигуристыми коврами. Мелкая пыль резвится в лучах. Блин, да вот же оно! Перевернутый бронзовый овал на крохотном столике. Маленькое. Господи, мне бы еще раза в полтора-два побольше! Мне ведь этим здоровую лысую башку прикрывать. Повертел в руках – плоский спил, видимо, изначально немаленького булыжника. То, что плоский, – хорошо, то, что мне нужно. Жадность уже грызет – где-то же должны быть и другие. Не выкинули же они остатки!

Несусь обратно, по пути обдумывая план действий. Ручная работа отпадает однозначно – медленно, криво, куча брака и ноющая шея. Заготовка одна, и большей по размеру, похоже, не найти. Значит, предстоит соорудить станок, делитель, приспособление для полуавтоматической гравировки, заказать граверы, испытать их на нерабочем материале и только тогда приступать. В голове вертелся набросок многорычажного пантографа с червячной передачей. Да и подобие микроскопа не помешает. На ходу вздохнул: микроскоп – нереально, возни еще на полгода. Обойдусь банальными лупами. Уже ясно, что лучший результат с шагом в десятые доли миллиметра. Кстати, и шаг этот неплохо бы подобрать, когда станок заработает. Не хочется и думать, что, возможно, оптимальный размер в сотых или тысячных. На местной технике мне тогда всю жизнь работать не наработать.

В мастерской тихо. Слуга исчез. Охрана разбрелась по постам. На минуту замер, вслушиваясь. Боже, как хорошо! Делай что хочешь, и никто тебе мозг не вынесет как в переносном, так и буквальном смысле. Никаких сотовых, смартфонов, имплантов, никакой мгновенной связи. Супруга предупредила – будет дней через десять. Еще дней через двадцать приедет сын. По этому случаю старик Сам собрался явиться на знакомой подряхлевшей яхте. А до того – свободен! Орден не мешает. Монарх рыбу ловит. Кормежка – как на убой. Мастерская в моем

полном распоряжении. Жизнь, в общем, удалась. Понять бы еще, на хрена мне этот дар и куда заведет любопытство. Но это потом!

Самоделка, сооруженная Ильей, давно пришла в полную негодность, несмотря на весь уход сестер. Оставшимся казалось, что летающая машина – такая же легенда, как странный эль и его красавица супруга. Перекорезанный дикой влажностью Облачного края остов самолета никак не тянул на памятник былому величию. Для всех это было прошлым. Но не для Аны. Еще совсем недавно она летала. И не на убогом творении мужа, а на могучей комфортной машине, с легкостью забросившей ее туда, где, как ей показалось, уже не бывает облаков. Далеко внизу плыла планета, а в салоне, набитом пассажирами, разносили обед и угощали странными напитками, от которых кружилась голова. Страсть к небу, когда-то разбуженная Ильей, не ослабела, а лишь напиталась упрямой решительностью: небо Мау не должно быть пустым! Плевать на Устав и все эти дряхлые запреты, она будет летать.

Несмотря на надежду вернуть к жизни самоделку, доставившую ее, казалось, совсем недавно к отрогам Великих гор, ничего не получилось. Время было безжалостно. Освеженный привод с легкостью шевельнул дряхлый остов самолета, последний заскрипел, застонал, после чего звонко треснуло что-то в перепутанных ребрах машины, и скелле сдалась. Вернуть силу магии в чрево этого агрегата она могла, но, чтобы вылечить остальное, нужен был другой врач. Илья сразу сказал: «Проще новый построить» и категорически отказался отправляться к горам.

Ну что же, пусть строит. Она знала, лучше него никто с этим не справится, и уже предвкушала задуманное сооружение невиданной верфи, которая поможет покорить небо.

Быстроходный катер был жутко неудобен. Периодически приходилось останавливаться, чтобы просто поесть, оправиться или поспать. Но он давал сейчас главное – скорость! Не сравниться, конечно, с самолетом, но что есть, то есть. И вот уже знакомый обрывистый берег Дона, прятанный за высоким гребнем месиво домов Арракиса, стремительно надвигается, нависая над крохотным суденышком. Ана вспомнила Москву и невольно поежилась, такой по-деревенски крохотной и провинциальной казалась местная столица.

Вода в Доне поднялась и плескалась совсем рядом с деревянным настилом, на который она прыгнула, не дожидаясь, пока толком ошвартуется орденский катер. Что-то пискнула позади служанка, ругнулся капитан, но Ана уже вышагивала, целеустремленная и нетерпеливая. Загрохотала, прыгая через борт, положенная ей охрана – пятеро молодых, шустрых дармоедов, но они безнадежно опаздывали. На длинных мостках, соединявших между собой щетину причалов, толпились зеваки, сустились путешественники, купцы, неслись, подгоняя тележки, грузчики. И вот прямо в это месиво жизни стремилась сосредоточенная скелле, привыкшая не встречать преград на своем пути.

Сзади закричали. Ана, уже почти врезавшаяся в человеческую толпу, оглянулась, поймала испуганный взгляд капитана, удивилась бегущим следом охранникам, побросавшим свою поклажу, нахмурилась, дернула плечом и повернула к берегу. Этих кратких мгновений, по счастью, хватило, и вместо разинутых ртов и озабоченных лиц берегового люда Ану встретили опустевшие мостки, пара брошенных тележек, кем-то оброненный, да так и оставленный туго набитый мешок и отдаленная суeta испуганных людей, спешивших забиться по соседним причалам, подальше от смертельно опасной скелле.

Ана фыркнула и пришла в себя. Сказывалась Земля. Всего ничего, а она уже привыкла, что остальные видят в ней лишь человека, и она даже пыталась относиться к землянам также. Почти как к ровне. Но это другой мир. И она не они. Она скелле. Причем Первая. Первая с большой буквы. Старшая сестра еще, по слухам, жива, но на то она и сестра, чтобы командовать теми, кто принял обет. Маути не монашки, и вынужденный гнет сбросили еще десять лет назад. Теперь Орденом правит Совет, и в этом Совете она – Первая.

Охранники сноровисто обогнали Ану и ринулись вперед, зачищая путь и заодно оберегая простой люд от ее гнева. Позади шумно выдохнула запыхавшаяся личная служанка и, как понимала Ана, персональный соглядатай того же Совета. Мрачной тенью навис начальник охраны – доверенный человек Сама.

Выдержала паузу, всматриваясь в далекий противоположный берег и суету мелких суденышек, дождалась, пока затихнет гомон, и зашагала к береговой лестнице – главному входу в великий Арракис.

Город почти не изменился. Где-то вместо старого здания выросло новое, местами переменились знамена, пропали флаги некоторых торговых гильдий, мелькали какие-то иные, незнакомые, но в целом все то же самое. Казалось, двадцать дней назад она спешно вылетела именно отсюда. Даже погода такая же: солнце, слабый запах реки, тенистые лабиринты усадеб.

В имение заходили, как положено, – проулок зачистила местная охрана, позади сосалась по углам личная, служанку, повинувшись движению брови хозяйки, незаметно увели. Широко распахнутые ворота, двор. Видно, что покрашено по-новому – другой оттенок, что-то отремонтировано, одна стена, похоже, вообще выложена новой кладкой. В целом узнаваемо, но в знакомом с детства доме прошедшее время ощущалось отчетливее. Ана впервые почувствовала, какая прорва этой неосязаемой материи пронеслась мимо.

Вздыхнула. Задержалась у фонтана. На то, что неугомонный супруг будет дома, не рассчитывала, тем сильнее оказалось удивление, когда тот обнаружился гордо стоявшим на верхней галерее.

Сердце пропустило удар, почему-то возникло и медленно начало нарастать неясное беспокойство. Илья знакомым силуэтом возвышался на фоне освещенной солнцем стены. На первый взгляд выглядел серьезным, но Ана сразу же выцепила знакомый вид нашкодившего сорванца и широкую сверкающую улыбку, вряд ли посвященную ее возвращению. Таким самодовольным он бывал, определив диаметр планеты или подняв в воздух летающий корабль. Сердце сжалось: что еще?

Немного отставленной в сторону рукой эль опирался на странного вида посох. Палка как палка, только увенчана она была чем-то овальным, отчего казалось, что это землекоп, хвастающийся новенькой, несуразно мелкой лопатой. Блеснуло, и Ана узнала собственное зеркало. Ее брови поползли наверх, Илья заметил, его вид стал еще более самодовольным. Он отвел руку с посохом в сторону, наклонил его, какое-то время всматриваясь в отдалившееся зеркало, после чего лицо замерло. Ана не успела осознать узнавание, как муж исчез, а рядом испуганно, на два голоса вскрикнули охранники.

Боясь поверить произошедшему, повернула голову, чтобы упереться взглядом в стоящего рядом Илью, сверкающего самой счастливой улыбкой, заметить боковым взглядом пятящихся телохранителей и зарождающуюся среди двора суету.

– Да будут тебе твои самолеты! – я был в растерянности.

Мою личную победу, принципиальный прорыв, дающий возможности двигаться дальше, Ана восприняла, мягко говоря, настороженно, если не сказать враждебно. В ее личных планах фигурировал послушный трудолюбивый инженер, а не туманная фигура эля, намылившегося свалить к своим «лоховым богам»!

– Корабли же вы строите. Да еще какие? Найдем этих судостроителей, они по моим наброскам тебе каких хочешь фюзеляжей наколотят. Краткие инструкции по аэродинамике и балансировке набросаю, обещаю. Ну, там еще органы управления, – справятся. Пару самолетов разобьют – вообще настоящими спецями, покруче меня, станут. С навигацией... – я вздохнул, – ладно, по приборам тоже напишу мануальчик. Типа планета круглая, широта, долгота там, туды-сюды. Люди же, разберутся. Ресурсы будут – все построят. Не сразу. Но можешь не сомневаться. А меня все равно на все не хватит!

Я всмотрелся в молчаливую, заледеневшую скелле, изображавшую монумент моей супруге.

– Ань, по любому, придется довериться другим. Одиночки почти бесполезны. Это же человечество. Ему нужно разделение труда и самоорганизация.

– Вот я сейчас расколошмачу твою лопату и тогда посмотрим, полезны ли одиночки!

Я нервно дернулся, посох гордо, в целости и невредимости стоял прислоненный к стене там, где я его оставил. Этой скелле много не надо – даже моргать не будет, лопнет мое творение, как перегоревшая лампочка, или стечет раскаленной бронзой, обжигая прекрасные полы. И что тогда делать? Тем более что именно эта женщина прекрасно знает, насколько я стал слаб, и становлюсь слабее, чем дальше, тем больше. Я без этой защиты от Источника – почти никто. Не бежать же на поле Храма для постановки спектакля «Эль в гневе». Все купившие билеты умрут! Не хватало мне только собственной жены бояться!

– Не расколошматишь?

– Почему это?! – вид вызывающий, с толикой наигранного удивления, ясно, что готова сделать это прямо сейчас.

– Потому что ты скелле, а не базарная торговка. Зря, что ли, тебя столько лет тренировали?

– Не вижу разницы! – немного обиженно.

– Между скелле и торговкой?! – моя очередь подразнить.

– Отчего твоя стекляшка лопнет! Моей волей или капризом тупой дуры!

– Все ты видишь. Тем более что базарные торговки как раз-таки очень сообразительные встречаются.

– Что ты несешь?! – сморщилась моя повелительница.

– Всего лишь пытаюсь напомнить, что скелле учат совершать поступки не под влиянием гормонов, а разумом. Если ты успокоишь свою обиду на то, что я веду себя не так, как тебе мечталось, а просто подумаешь, то поймешь, какие последствия могут быть у такого поступка.

Ана фыркнула:

– Какие-такие последствия?! Прожженный пол?

Я молчал. Нечего и сомневаться, будь на месте Аны обыкновенная женщина, моя чудолопата уже почил бы. Они, женщины, очень практичны – хочешь узнать, какие будут последствия? Не проблема. Ставь эксперимент! Ломаем удочки и ждем! Какие там последствия будут? Но не в случае скелле. Они тоже могут натворить много чего, но одно в них вбили намертво – сначала успокойся, приведи внутренний мир в равновесие, восстанови баланс, а потом круши! Так что Ана, пока она фырчит, безопасна. Вот как заледенеет, пора драпать!

– Ань, ну чего тебя не устраивает? – я постарался обратиться к аргументам, кто его знает, вдруг, в отличие от обычных женщин, сработает. – Я – вот он! Рядом с тобой! Нет? А, ведь я твой актив! Твой, можно сказать, козырь!

Лицо моей красавицы сморщилось, недовольство смешалось с видимой попыткой разобратся в прямолинейностях мужской логики.

– Сама посуди. Твое положение в Ордене в некоторой части, – осторожно начал я, – основано на том, что у тебя есть эль. То есть я. А эль – это такая штука! – я повертел пальцами в воздухе, будто пытался вкрутить лампочку. – Опасная и загадочная, вот! На него не действует искусство, он сам сеет вокруг хаос и неприятности. Попробуй возрази, попробуй стать на дороге, которую сами боги проложили!

– У тебя и так репутация непредсказуемости! Достаточно! И нечего сюда богов приплетать! – Ана по-прежнему была недовольна.

– Да погоди ты! Это сейчас она – репутация. Если ее не поддерживать, как думаешь, сколько времени надо, чтобы интересующиеся стали проверять – ну, чего там? Правда крут

или как? Сидит в сарайчике, самолеты клепают, при чем тут боги? Чего-то уважаемая Ана скрывает. Какой из него эль? Так, турист! Приглашенный спец по крылышкам.

Ана молча отвернулась. Похоже, думает. Буду давить дальше:

– Вот очередной интересующийся и прихлопнет меня ненароком. Скажет, ой, я ж не думал, это ж эль вроде. Был.

– Никто тебя не прихлопнет! Я сама кого хочешь прихлопну!

– В последнем не сомневаюсь. Но, думаю, тебе будет спокойней, если я и сам при необходимости справлюсь. Разве нет?

Ана резко встала, развернулась ко мне, сделала шаг ближе, навстречу. Ее глаза заслонили блекнувшие отсветы заката, пачкавшие стены и обстановку личного кабинета, из которого я недавно дерзко спер нужное мне зеркало.

– С Орденом я разберусь сама! Меня ты беспокоишь! Ты сам! Понимаешь? Не верю я, что ты собираешься в сарайчике самолеты, как ты выразился, клепать! Меня не Орден волнует, а ты! И то, куда твое неумное любопытство заведет! Без всякого Ордена! Никакие интересующиеся не понадобятся, просто – бац, и нет Илии! И хорошо, если при этом полгорода не исчезнет! На него плевать! Я тебя боюсь! Ты главная угроза и себе, и нашей семье, и кто знает, кому и чему еще!

Я положил руки на ее талию, притянул свою скелле совсем близко.

– Тут, Ань, ничего не изменить! Я такой, каким меня вырастили Земля и Мау. Эль. У тебя нет выбора. Это честно. Не хочу тебе лгать, и обещать ничего не буду. Напротив, ты и так знаешь – сожги посох, я сделаю новый, запри меня – вылезу. Лучше используй таким, какой я есть. Я не против, даже за. Ты – моя семья. Не проси только невозможного.

Ее глаза выросли еще шире, моих губ коснулось ее дыхание, в ушах слабо звенело:

– Есть еще варианты, – тихо и с угрозой, которая на меня, впрочем, не подействовала. – Прыгнешь при всех, когда сына привезут. Ясно?

Я вздохнул, кивнул, – ясно, чего уж, все-таки не женщина – скелле.

3

Из воссоединения семьи устроили целое представление. Похоже, занимались этим все, кроме меня. Я вообще поначалу не понимал, что происходит. Выяснилось, что в традициях местной аристократии, той, в среде которой чаще всего появлялись скелле, существовал целый праздник, или обряд, назовите, как вам будет удобно, и назывался он – первые каникулы, само собой, в моем приблизительном переводе. Суть: ребенок, обычно мальчик, с девочками по понятным причинам бывало по-разному, рожденный скелле, впервые возвращался в семью из интерната на что-то вроде каникул. Правда, по всем подсчетам, наш должен был совершить такой вояж еще года четыре назад, но уж как получилось, – родители прохлаждались в незапланированной загранкомандировке.

Представление, впрочем, было уготовано не для всех желающих. Яхта Сама, та самая, что бороздила океаны еще лет тридцать назад, должна была доставить мальчика на уединенный остров ниже по течению Дона от расположения Арракиса. Островок был во всех смыслах замечательный – использовался для приема разнообразных дипломатических делегаций и вообще всяких важных гостей, прибывающих морем в столицу и достойных особого обращения. Аналог чего-то вроде московского правительственного Внуково в мое время: трап самолета, ковровая дорожка, лимузины. Только здесь – берег, невысокая скала, торчащая из него, и облагороженный причал, куда не стыдно бросить швартовы самому изысканному судну. Суть ясна – избежать праздного внимания публики, при этом соблюсти любой самый сложный протокол, если понадобится.

Думаю, что именно неизвестно откуда взявшаяся скала и превратила в остальных отношениях неприметный клочок суши в эксклюзивную территорию, на которой не действовала таможня и куда не подпускалась пограничная стража. Прибывшие гости обычно в Арракис так и не попадали, отправляясь сразу же в резиденцию монарха или прочие подобные, незаметные глазу места, чаще всего прячущиеся на островах обширной дельты.

Ана – Первая. Это статус почти королевский, а во многих отношениях более, чем королевский. Все же власть Ордена была ограничена лишь на востоке континента и условно не действовала на заморских территориях. Поэтому сугубо семейное дело неожиданно для меня приобрело политическое значение. Тут еще и я – официально назначенный эль. Тоже, чтоб его лохи съели, статус. В общем, церемония планировалась скромная, но с нескромным вниманием. Не было ни малейших сомнений, что все глаза, присутствующие на ней, были глазами еще тысяч и тысяч незримых зрителей. И все это, судя по всему, Ана просчитывала, пока я, как наивный турист, втирал ей историю про скромного эля, одержимого божественным даром.

Погода подвела, но терпимо: пасмурно, ветер с моря, редкие капли слабого дождя – сразу и не поймешь, осадки это или брызги, долетавшие с коротких речных волн. Впрочем, тепло. Хотя и странно было бы ожидать чего-то иного от планеты с удивительно ровным и комфортным климатом.

Я скромно стою в сторонке на приметной скале, пока прислуга расставляет флаги Уров и застилает светло-серый пористый камень – уж не остатки ли это какого-то сооружения древних – овальными циновками. Яхты не видать, хотя мы уже в полном составе торчим на этом клочке суши битый час. Ниже, у основания скалы, и рядом с причалом – немногочисленные зеваки самого важного вида. Охрана старается делать вид, что не замечает их присутствия, сохраняя твердость лишь в ограничении доступа на изящные доски деревянного пирса. На последнем лишь скусающая береговая команда да пара охранников, явно томящихся от безделья. Разнокалиберные катера и небольшие яхты прибывших прячутся за длинной косой соседнего островка. Там какое-то шевеление, матросы, без присмотра опасных хозяев толпятся на палубах, слышен отдаленный смех и перекикивания.

Ана выглядит, как обычно, – красивая молодая темнокожая женщина с невозмутимым видом слегка надменно надзирает за неспешной суетой на скале и вокруг. Рядом с ней незнакомые мне, но такие же важные и холодные как лед дамы – одна молодая, сравнимая по возрасту с моей супругой, и еще пара расплывшихся теток в возрасте. Не удивлюсь, если они были сверстницами Аны во времена, когда колбасило Орден. Мне их представили, но имена вылетели из головы, да и, честно говоря, изначально были безразличны.

Немного волнуюсь. Дочь, уже взрослый человек, очень и очень далеко. Внук там же, на Земле, скучаю по нему. Мальчик, которого я сейчас увижу, – моя плоть и кровь, тот ребенок, за которого я умирал в Угле и которого видел совсем еще малышом. Лысый череп, охотно впитывающий водяную пыль, – память о тех событиях. Для меня прошло всего ничего, для него – долгие местные десять лет или около того. По земным меркам – все двенадцать. Интересно, какой он? Интересно и немного боязно. Чувствую себя, как будто виноват, как будто бросил нуждающегося во мне беззащитного ребенка. Гоню эти чувства и кошу взгляд на супругу, вот кому хорошо – скелле. Можно застыть соляным столбом, и все скажут: правильно, так и должно быть.

Рука сжимает слегка намокший посох, мысли возвращаются к недавнему успеху. Невеселые, что странно. Да, мне удалось кое-что. Да, я теперь, почти как на Земле, могу пользоваться даром Храма. И что дальше? Помехи от Источника выровнялись, они уже не выкидывают меня прочь, как мусорный пакет, из водоворота, но все равно давят. Значения символов ускользают. Да и что с ними делать? Зачем они мне? Разве для того, чтобы мелкими короткими прыжками тешить публику и собственное эго? Ясно, что с ними надо разбираться, понять, что каждый такое, как их использовать. Храм сказал, что они лишь базовый алфавит, не более. Я должен, условно говоря, заговорить и без их помощи. Настоящий дар – рецепторы. Подразумевалось, что я сам буду творить, а символы – это как кубики с буквами для малыша. Жаль только, что забыли объяснить их значения!

Ничего я не понимаю и не успеваю, вновь меня влечет поток событий, которые мне неинтересны. Есть, конечно, оправдание – Храм сказал, что кубики должен освоить коллективный разум землян, что моего жалкого умишки на это недостаточно. Так зачем я тогда удрал оттуда, где этот самый разум царит? Да и кубики уволок. Не знаю. Куда ни кинь, такое ощущение, что я сам ничего не решаю, от меня мало что зависит. От этого невеселые думы и головная боль – я ничтожество. Ну да, повезло, выиграл билет на самое крутое путешествие! И вот я здесь, тупым болванчиком наблюдаю за приключениями, которые не я замыслил, не я придумал. Не тому достался билет!

Заметил внимательный взгляд Аны, улыбнулся в ответ, а у самого тошно на душе. Выдали папуасу компьютер – бери, говорят, большой человек будешь! А папуас почесал голову, мне бы, говорит, пару свиней. На хрена мне эта коробка железная?

Глубоко вздохнул. Хрень какая-то творится, в душе смешались вина за оставленного ребенка и самоуничижительная депрессия. Отродясь со мной такого не бывало! Эль! Первый парень на деревне! Жена – царица. Завертел головой – может, какая скелле исподтишка колдует? Как тут определить, вокруг дрейфует не менее десятка.

Додумать не успел. Как-то незаметно из-под бока отдаленного, поросшего темно-сиревыми зарослями острова вынырнул знакомый силуэт.

Отвлекся, всматриваясь в медленно ползущую яхту, – столько лет прошло, а смотрится как новенькая. Может, капитальный ремонт прошла? Видны люди, но пока рассмотреть, кто есть кто, невозможно. Кажется, угадывается только одна из фигур среди застывших на полу-баке людей – Сам. Остро кольнуло болью узнавания, и я встрепенулся, нет, я, конечно, не бесчувственный болван, но отродясь не замечал за собой таких страданий. Что-то не то. Всмотрелся в Ану и заледенел – напряженная, неподвижная, форменная статуя, но напрягло не это, за ее спиной подрагивал жарким маревом раскаленный воздух. Живо напомнило встречу, кото-

рую она мне устроила в поместье после похищения ребенка. Я, правда, в то время как раз набирал силы и потому без особых проблем встретил ее гнев, сейчас уже не тот. Рядом две фигуры – пожилые тетеньки о чем-то озабоченно шепчутся, озираясь на мою супругу. Третья куда-то сгинула.

Шагнул ближе, только сейчас сообразил: в ушах звенит, как в прошлые времена. Окончательно осознал: не время осторожничать и соблюдать протоколы – надо что-то делать. Не знаю, что это за воздействие, но оно есть. Никогда мне еще не было так стыдно за прожитые годы, в голову лезли все мои прегрешения: брошенная семья, дочь на Земле, внук, сын, измены, моя никчемность, и трупы, трупы, трупы. Как бы я ни ослабел, но все еще был элем, представляю, что должна чувствовать Ана!

Аккуратно обогнул мерцающий воздух, смахнул метелки с разогревшегося лица – это уже она, ее искусство. По сценарию, я должен прыгнуть на палубу приближающегося судна, когда оно подойдет непосредственно к пирсу, – все-таки мне надо видеть, куда собрался перемещаться. Моя скелле настаивала, чтобы я сделал это по ее непосредственному приглашению, вроде: «Ну что же ты стоишь, эль?!» Однако сейчас все задумки побоку. Несмотря на острое ощущение своей никчемности, догадываюсь, что ничего нового в ситуации нет. Просто кто-то, думаю, Ана это быстро выяснит, применил очень слабое, на грани чувствительности, воздействие на нужные отделы головного мозга некоторых участников спектакля. Сложнейшая каша в наших черепках – на самом деле нежное и чувствительное образование. Вокруг полно скелле, они почти неосознанно постоянно шевелят своим искусством – расчет, видимо, на том и строился, что на общем фоне такие тонкие движения останутся незамеченными. Ну а уж потом адресатам станет не до того – холодный разум трусливо спрячется от гормонального шторма. Скорее всего, тот, кто это задумал, не учел один нюанс – я не стоял рядом с Анной, по ее требованию, между прочим, да и вообще пока еще сохранял хоть и ослабевший, но иммунитет на магию.

Слегка приобнял застывшим взглядом всматривающуюся в силуэт яхты свою скелле. Она, будто испуганно, оглянулась – лицо непривычно бледное, губы шевельнулись – кажется, что-то вроде «прости», но меня это не интересовало. Я еще плотней прижал ее к себе, накрыл зеркалом сквозивший из-под воды Источник и переключил восприятие. Вот вода, вот мерцающая память о кораблике, холодным, но спокойным душем обтекающий меня поток будущего. Присмотрелся к далекому судну и накрыл его тень нужным символом. В последний миг, торопливо ориентируясь, осознал, что ворочалось у основания приютившего нас утеса, – там неизвестная мне скелле переливалась в потоке будущего мерцающим бриллиантом.

Вышло неловко. Ноги ударила неожиданно движущаяся палуба, удержавшись в широком выпаде, подхватил супругу, готовившуюся к полету за борт. Однако похоже, главный эпизод спектакля зрители просмотрели, – когда мы окончательно утвердились на ногах, я встретил лишь непонимающий взгляд какого-то матроса, медленно трансформирующийся в гримасу удивления и, похоже, ужаса – глаза его округлились, зрачки стремительно расширились, нижняя челюсть устремилась к центру планеты, взлетели брови. Что-то прошипело у меня над ухом, и он замер. Пока оглянувшись рассматривал стремительно пришедшую в себя супругу – невозмутимый вид, небрежное движение руки «поди прочь», – что-то произошло, потому что секунду спустя обнаружил лишь склоненную голову торопливо пятящегося в сторону кормы матроса.

Вот они. Сам постарел и заметно, но стоит крепко, положив руку на плечо худощавого подростка. Оба не обернулись, всматриваются в надвигающийся остров, я рассматриваю мальчишку. Темная кожа – не черная, а как будто очень загорелая, мне, правда, не удалось бы загореть до такой степени, сколько бы ни старался. Глаз не вижу, но знаю: серые. Были. Хрен его знает, какие они сейчас, у детей они часто меняются с возрастом. Осанка, выправка – парень, похоже, проходит суровую школу.

Из-за плеча шагнула Ана, остановилась, бросила, не поворачивая головы:

– Видел кто?

По голосу ясно: она полностью вернула контроль и кого-то ждут смертельно опасные неприятности. Даже при виде сына уже работает, вычисляет.

– Под скалой со стороны причала. Сकेлле, но кто, не видел.

Я чувствую немалое облегчение, почти эйфорию. Никогда не отличался заниженной самооценкой, скорее, наоборот, а тут такие страдания! Ф-фу! Хорошо, когда ты – это ты. Как домой вернуться.

– Юра!

Прихоть моей дражайшей. Подцепила это имя на Земле, нашла удачно созвучным собственному родовому и изъявила желание наградить им сына, тем более что это далеко не последнее в его жизни. Но на ближайшие лет пять будет Юрой.

Глаза, лица. Похоже, таких фортелей здесь еще не видели, – удивление, даже испуг. Пацан смотрит спокойно и отчужденно, видимо, еще не привык к новому имени, Сам – постарел дед, прям жуть – в растерянности. Еще бы – весь протокол коту под хвост!

Наконец до сына дошло, что за люди неизвестно откуда объявились за спиной, он рванулся – совсем по-детски, сразу куда-то испарились выправка и осанка:

– Мам!

Обнялись, замерли. Наконец, когда сын оторвался от Аны, та, мне показалось, немного растерянно, оглянулась на меня, и я шагнул вперед.

– Ты красивая, – без тени стеснения объявил Юра медленно возвращающей контроль матери, почему-то игнорируя меня, потом взгляд метнулся, зацепился за мою лысину, глаза остановились, и он замер. Черт! Что такое?! Я что, страшный и ужасный?! Запоздало сообразил, что он видел меня совсем еще маленьким, окруженный няньками и едва научившийся самостоятельно передвигаться. Папа – эль! Представляю, что за все эти годы ему понарасказывали! Это для меня все было вчера. А для него – на заре жизни. В детстве каждый год идет за десятком, и я для него – живая легенда и туманные воспоминания. Но мать же он помнит!

Я обнял парня, неловко зажав посох в одной руке. Глаза, кстати, остались серыми, мне даже показалось, что они посветлели, исчез голубоватый оттенок, которым так гордилась мама.

– Рад, что дождался вас! – прогудел Сам.

Ана уже виделась с ним, когда успела? Я же был неприятно поражен – Сам был стар, еще когда меня забросило на Землю, и было удивительно, что он вообще дожил до этого времени. Понятно, что без искусства не обошлось, но и оно не способно на чудеса.

Обнялись. У меня всегда с ним были сложные отношения, но рукопожатия на Мау не водилось, пришлось следовать традиции.

Между тем яхта преодолела большую часть разделявшего ее и остров пространства, сбросила ход и готовилась к швартовке. Было видно, что на острове царила не вполне ясная суэта, на верхушке скалы никого не было, куда-то исчезли сопровождавшие Первую скелле, прислуга, занимавшаяся оформлением и угождавшая публике, столпилась на дальнем спуске с утеса, и, похоже, что ее более интересовало нечто скрытое от наших глаз, чем прибытие тех, ради кого все и затеивалось.

– А как вы сюда попали? – естественный с учетом обстоятельств вопрос задал ребенок.

– Прыгнули, сынок, – я потрепал его по волосам.

– Как прыгнули? – он, понятно, не унимался.

– Сейчас увидишь.

Ана услышала мои слова, обернулась и кивнула согласно, надо было срочно разбираться с происходящим во Внуково, пардон, на острове, поцеловала озадаченного сына:

– Мама ненадолго. Вы тут швартуйтесь пока, а мы с папой прогуляемся.

Сам крикнул, но ничего не сказал, сын замер озадаченный, остальные на палубе, похоже, вообще не понимали, что происходит и откуда мы появились. Представляю, какой успех ждет вечером матроса, первым заметившего нас, – дружеское внимание и потоки орешка.

Эрсамвэл была лучшей на университетском курсе. Ее дар был слаб и требовал от носительницы изрядных усилий и концентрации, чтобы реализовать воздействие, зато она была почти избавлена от жестокого мучительного тренинга, который приходилось переносить ее поголовно более способным подругам. Почти обычная – так иногда снисходительно отзывались о ней воспитатели в интернате. Знали бы они, какими достоинствами это обернется. Не всегда хирургу необходима пила или топор, зачастую более эффективен крохотный электрод или луч лазера. Эрсамвэл великолепно владела искусством воздействия именно такими и даже намного более тонкими инструментами. Результат – за ней буквально охотились кафедры нейробиологии, микрохирургии и офтальмологии. Ее большая рана – слабый дар – обильно поливалась лечебным настоем из удовлетворенного честолюбия и заинтересованного внимания окружающих.

После университета за ней началась охота иного рода. Она была сверхвостребована и ценилась за редкость дара как настоящий уникум. Очередь из клиентов порой вырастала до года. Нечего и говорить, что при таком внимании она весьма комфортно устроилась в новых условиях существования Ордена, когда был навсегда отринут строгий монашеский устав старых правительниц. Будущее рисовалось все более праздничным.

Шло время, суeta и слухи, связанные с ожидаемым возвращением почти легендарной маути Аны, неожиданно стали раздражать. Старая рана, давно залеченная и, казалось, забытая, ныла. Все эти ахи и охи, все эти восторженные воспоминания о темнокожей аристократке, подогреваемые тем, что почти вся верхушка Ордена теперь состояла из ее старых подруг, бесили. Древние легенды, заветы богов, память Катастрофы нежданно обретали плоть и зримое ощущение угрозы такой благополучной и налаженной жизни. Она не раз бывала в останках Козьего переулкa, так и не восстановленного до конца, и буквально видела злую волю неведомого тупоголового мужлана-пришельца эля. Ее личные рабочие апартаменты располагались совсем неподалеку от Храмовой площади, и их удобное и подчеркивающее статус владелицы место теперь стало неудобным и неустойчивым.

Да что они все носятся с этой Аной?! Свалила за приключениями и плотскими утехами, бросив малолетнего сына и доверившихся ей подруг. Где она была в самый сложный период, когда выдавливали по каплям власть сестер из Ордена? В чем ее заслуги? Да в том, что она кровная родня древним, и больше ни в чем! Эль этот еще! Мало им было Катастрофы! Неужели не видно, что история повторится?!

Тайно Эрсамвэл была уверена или спешила сама уверить себя: Ана ушла навсегда. Зря отправили на дежурство в предгорную глухомань целую экспедицию. Прошлое – прошлому! Пережили и забыли! Надо думать о будущем, о настоящем, если на то пошло! Пусть возвращается, если сможет, это ее личное дело. Почему это должно волновать Орден? И эля пусть оставит там, где ему и место, нечего тащить всякую дрянь на Мау!

Особенно своего раздражения она не скрывала, часто повторяя, что зря сестры мокнут в гнилом крае. Все эти межзвездные путешествия, эли и древние – сказки. Посидят, посидят и успокоятся, начнут сначала отлынивать, потом делить это сомнительное удовольствие на очереди. Какие-то особо упертые, может, и застрянут там, – ну да, видать, там им и место. Сами ведь выбрали.

Когда пришла новость, что они вернулись, Эрсамвэл заперлась, отменила все операции на долгие десять дней. Сил не было видеть все эти тайно довольные рожи, ощущать косые взгляды, слышать возбужденные тихие пересуды! Даже приемный муж как-то задумчиво бросил, что хотел бы посмотреть на этих путешественников. Как же, путешественников! Знаем мы, на кого

мужики посмотреть так жаждут. Остро грызло сожаление о неосторожно сказанном, мучили неясная обида и страх. Да, страх! Она боялась. Она боялась эля, хоть никогда его и не видела. Завидовала. Завидовала Ане, с которой пару раз встречалась еще во времена учебы, завидовала ее красоте и уверенности в своем праве. Понимала, что не справится, что рядом с ней всегда будет скелле второго сорта.

Шло время. Эрсамвэл успокоилась настолько, что легко делала вид: ее вся эта история никак не касается. Очень уважаемая скелле из состава Совета попросила посмотреть профессиональным взглядом на какого-то своего протеже. Сказала: «Много времени не займет. Зайдите на полчаса, а мы уж с вами рассчитаемся». Отказать такому клиенту Эрсамвэл не могла, а зря, лучше бы соврала что-нибудь. Она явилась в одну из резиденций Ордена, куда ее пригласили, поднялась на этаж к кабинету местной владыки, и уже готова была открыть дверь, когда та сама распахнулась навстречу.

Полутемный прохладный сумрак коридора озарился ярким солнцем, щедро заливавшим кабинет за дверью. Эрсамвэл замерла прищурившись и невольно отпрянула – в потоке света ей навстречу шагнула Ана. Такая же молодая, такая же красивая, как и годы назад, при их последней встрече. Холодно оглядела замершую Эрсамвэл, слегка улыбнулась и молча, не сказав ни слова, прошествовала мимо. Остановись она на мгновение, задержись для короткого разговора, и, возможно, лучший невролог Ордена поддалась бы этим чарам вечной молодости и власти. Но нет. Ушла, будто за дверью никого не было, будто обогнула оставленный кем-то стул.

Сложная смесь чувств еще окончательно не оформилась в душе Эрсамвэл, как новая тень протянулась и накрыла освещенный прямоугольник пола.

– Дорогая, вы уже пришли! – хозяйка кабинета была сама любезность. – Проходите, прошу вас.

Эрсамвэл хотела бы переждать, перечувствовать неожиданную встречу, но ею уже овладела, ее вела новая фигура: действующий член Совета и важная шишка в Ордене – Рас. Тоже из темных, между прочим.

Хозяйка всмотрелась в немного растерявшуюся гостью, заботливо подвела, усадила в кресло, сама осталась стоять, слегка усмехнувшись, спросила:

– Вижу, вы знакомы?

Вопроса в ее голосе было мало, скорее, утверждение, констатация факта, но Эрсамвэл ответила:

– Встречались в молодости. – Добавила после паузы: – Мельком.

– Да, – задумчиво подтвердила Рас, – времени прошло немало, – всмотрелась в собеседницу, как будто пытаясь увидеть что-то новое, потаенное. – Ана совсем не изменилась.

Эрсамвэл уже взяла себя в руки, ответила холодно, пожалуй, немного холодней, чем следовало:

– Не думаю, что мы зря потеряли это время. Сдается мне, что именно Ана прошла мимо.

– Как бы там ни было, но она сейчас среди нас и требует платы за все годы.

Эрсамвэл удивленно вскинула брови:

– По-моему, она ее получила. Все ее время молодость при ней, не так ли? Вряд ли она может претендовать на то, за что нам пришлось заплатить часть жизни.

Рас не ответила, не спеша опустилась в кресло напротив, как бы переводя разговор на более доверительный уровень.

– Слышала, вы не ожидали ее возвращения?

Эрсамвэл уже переборола свои слабости, и подначка тронула мало:

– Как и многие другие. По-прежнему считаю это маловероятным.

– Ну, тем не менее она здесь, – рука Рас коснулась подбородка, упала на колени, прочертив невидимую черту по лицу хозяйки. – И требует.

Повисла тишина. Эрсамвэл при всей ее востребованности и длинному списку важных клиентов никогда не касалась политики. Она интуитивно чувствовала, что все эти скелле сделаны из другого теста, ее устраивало положение стороннего наблюдателя, от которого равно зависимы все сестры, каких бы высот искусства они ни достигли. И вот. Нельзя быть рядом, кормиться с их рук и оставаться свободным. Она почувствовала, что политика неожиданно обратила на нее свое внимание тогда, когда сама она меньше всего этого желала.

– Любезная Рас, я ведь врач, не более. Кто тот клиент, к которому вы меня пригласили?

Хозяйка выгнула бровь, потом, что-то решив, ласково улыбнулась:

– Эрсамвэл, вы никогда не были дурочкой. Не надо и пытаться ее изображать. Скажем так: клиента вы только что видели.

4

С вершины скалы, куда я в обнимку с Анной вполне уже уверенно прыгнул, открылось довольно скучное зрелище: несколько скелле толпились рядом с темным пятном, отмокающим у самой кромки воды. Из-за соседнего островка выбирался небольшой катер. За косой вообще виднелось странное шевеление, как будто сразу несколько гостей задумали срочно покинуть так и не завершённое мероприятие.

– Зуб даю, в воде мокнет та, что пыталась на нас депрессняк нагнать.

– Что нагнать?

Оказывается, я неосознанно умудрился мешать в речи язык мау и русский. Отмахнулся:

– Неважно. Думаю, что среди сестер найдется та, кто ее завалила. Естественно, при попытке к бегству и ожесточенном сопротивлении.

Ана холодно и отстраненно кивнула. Она активно использовала искусство, меня начало потряхивать, и я поспешил удрать. Вроде бы виновница давешних страданий больше не могла причинить никакого вреда, а я тем не менее чувствовал себя скверно. Хотелось у кого-то спросить: сколько можно? А главное, ради чего?

Побрел в обход скалы на причал, где скучали озадаченные, ничего не понимающие береговые с охраной. Что бы тут ни происходило, сын никуда не делся, и, полагаю, ему будет приятно, если его встречу я, а не пара дуболомов. Ане я ничем помочь не мог, скорее, помешал бы, да и терпеть волшбу, несмотря на слабеющие способности, не было никаких сил.

Дни полетели бесконечной каруселью. Ана, сын, визиты к важным родственникам, приемы – официальные и не очень. Стыдно признаться, но, когда я узнал, что своеобразные каникулы продлятся не менее ста дней, расстроился. Скучно! До тошноты! По улицам меня водили, как будто напоказ, ведь эли-то – диковинка у нас! Вкусно ел, мало двигался, кажется, стал толстеть потихоньку. Пробовал отлынивать – не прошло. Я же главный экспонат! Какая выставка без него. Ана – это, конечно, интересно, но ее уже большинство видели и не раз, а меня, выходит, нет. Лысый, высокий, со странными чертами лица, бледный по местным меркам – интересно же! Казалось, что этот бесконечный карнавал никогда не кончится, когда произошло то, о чем я старался не вспоминать, то, что оставалось старой загадкой, до которой никогда не доходили руки.

Яхта вырвалась из пресной речной воды. Показалось, что она даже скрипеть стала по-другому, когда ее острый нос впервые рассек широкую спину темной океанской волны. Несмотря на то что мы всего лишь наносили очередной обязательный, как заявила мне Ана, визит какому-то дяде, я чувствовал в этот момент себя так, словно наконец-то вырвался, освободился от бессмысленной суеты и унылой рутины. Морской ветер гудел в ушах, глуша пустые разговоры позади, впереди раскрылся блистающей громадой океан, отчеркнутый по левому борту далеким берегом. Я застыл, наслаждаясь простором и привыкая к забытой качке.

Инцидент со странной скелле, пытавшейся вогнать нас в самоубийственную депрессию, не прошел даром. Весь опыт моей жизни никуда не делся. Та скелле лишь на какое-то время поменяла полярность эмоций, резко усилила негативные воспоминания, заставив переживать их необыкновенно остро. Ее влияние оборвалось, но память, в том числе память о моем состоянии в тот момент, уходить не торопилась. Как отблески яркого света медленно бледнеют в закрытых глазах, переливаясь неожиданной радугой, так и пережитые эмоции гасли не в один миг. А ведь за ними стояла реальность.

Наше сознание так устроено: чтобы сохранить равновесие, оно отодвигает на задний план, прячет в глубине неприятные воспоминания. Неведомая мне скелле взбудоражила то,

что, казалось, давно покрылось толстым слоем ила. И вот теперь, когда никто уже не вмешивался в мой разум, на душе было тошно. Мне ведь и в самом деле за многое было стыдно и неловко. Многое хотелось бы изменить, сделать не так, как вышло.

Когда судно, тяжело просев, начало забираться на очередную волну, я быстро сообразил: эта волна не проста – слишком уж обширной спиной титанического морского зверя пучилась она из предсказуемого моря. Я такое уже видел и знал: это по мою душу. Ни о чем не думал, просто нырнул в свое зазеркалье, и всякие сомнения, если и были, пропали. Рядом с нами пучил океан иной поток, иное будущее. Не было никаких мыслей, одни рефлексy. Как рыбак, сонно дремлющий на пустой рыбалке, готов взорваться привычной стремительной реакцией, почуяв первую, самую сладкую потяжку лески, так и я действовал так, словно давно знал, что делать, словно и не было рядом со мной семьи и сытой, уютной жизни. Я обратился к новому потоку, потянулся к нему, даже без храмовых символов, просто взглядевшись в тревожащее соседство, и мир предсказуемо ударил по ногам чужим берегом.

Увы. Не другой мир. Не мифическая Гела. Берег уже знакомый и непонятный. Не в первый раз загадочное нечто отправляет меня сюда. Так и хочется сказать: это ж-ж неспроста.

Оглянулся на недалекие горы, возвышавшиеся каменистыми осыпями из серо-черной пены леса. Зашипела уходящая волна, и я непроизвольно дернулся. Не оставило ли неведомое нечто меня в одиночестве? Можно ли вернуться? Торопливо всмотрелся – нет, вот оно, ворочется в глубине.

На этот раз я, видимо, созрел. То, что раньше выглядело и ощущалось как странное и неуместное вмешательство, теперь воспринималось почти как избавление. Мау, семья, какой-то важный родственник – все было чуждым, раздражающим. Еще и последствия от недавней психотерапии не выветрились. Надоело! Чего сейчас точно не желал, так это превратиться в копию своего предшественника – третьего эля. Внезапное перемещение принесло почти физическое облегчение, как будто с меня свалилась изрядная и при этом чуждая ноша. Душу грело сомнительное оправдание – это не я. Это вот эта вот хрень! Стащила меня, понимаешь, с праздника жизни. А я тут ни при чем!

Решительно обернулся, оставив океан за спиной.

Неширокая полоса гор – похоже, остров. Широченный, разбитый тысячелетними штормами песчаный пляж темного цвета, лес и океан, обнимающий незамысловатый пейзаж. Очень похоже, раннее утро. Не могу описать, как рождается это ощущение, но начало дня подсознательно ощущается мне синим, в контраст красному вечеру. Много раз пытался придумать этому объяснение, но в конце концов сдался, – какая разница, утро и утро!

Надо топать. Еще раз оглянулся на прибой, нырнул на мгновение в мир памяти – нечто, так настойчиво толкавшее меня сюда, исчезло. Лучше бы осталось, лучше бы ворочалось позади резервным путем отхода. А так, неясное беспокойство и ясное понимание – один. Как в первый раз, как тогда, когда вместо знакомого подъезда очутился в теплой воде предгорного озера. Есть, правда, разница – я теперь опытный: плавали, знаем. Привык к чудесам – ну, забросило на неведомый остров, и что? Меня на другие планеты швыряло без спросу, и ничего, жив.

Запоздало спохватился – посох не перенесся. Я безоружен. Вот это расстроило всерьез: плоды многодневных трудов, экспериментов пошли прахом. Черт! Что делать?! Торопливо охлопал карманы: пара шариков с кристаллами привычно толкнулись под ладонями – ну хоть что-то. Только вот подзарядиться не от чего – ни тебе зловредной скелле под кустом, ни кусочка стекла из Радужного. Вновь нырнул в капризный дар – нечто, забросившее меня, исчезло, а вместе с ним и надежда свалить туда, где ждут хозяина милые моему сердцу финтифлюшки. Человек без инструментов и оружия – голая прямоходящая обезьяна со вкусным и питательным пузырем огромного мозга на конце позвоночника. К счастью, крупных хищников здесь нет. Не должно быть. Я же на Мау?

Исследовательский запал, охвативший меня поначалу, куда-то делся. Какие на хрен исследования, когда отобрали любимый пулемет и рюкзак полезнейших ништяков вместе с ним?

Опять нырнул в дар, всмотрелся – ничего, пустота. Дорога домой исчезла. Переливается в потоке убегающее унылое и скучное прошлое – круто рвущееся вниз дно, мерцают далекие скалы. Наконец-то сообразил: что-то долго я сижу на храмовых рецепторах и до сих пор не выблевал изысканный завтрак, скрасивший мне минувшее утро. Огляделся и замер. Вот оно что! Вот почему неведомое нечто так настойчиво швыряло недотепу на этот берег: поток будущего, рвущийся от Источника, разбивался на части, дробился и сверкал гигантской радугой, прячущейся в теле невзрачных гор этого куска забытой суши. Еще один Радужный разлом, только неосвоенный, ненайденный, до сих пор таящийся в глубине нетронутой породы. И что самое приятное – он делал то, ради чего мне пришлось убить долгие дни, – дробил на части ослепительный свет черной дыры, ломал и кромсал его на мельчайшие осколки-лучики, так что я мог спокойно пользоваться имплантированными рецепторами.

Ошалевший, замер. Долго, как никогда раньше, стоял, разглядывая фантастическое зрелище. Самочувствие быстро приходило в норму, тревоги, опасения и беспокойства улетучивались. Вот это да! Это же просто «бубль-гум» какой-то! То, что надо! Определиться бы только, где это «то, что надо»?

В голове ворочались первые задумки: соорудить маяк и прыгать сюда, как на работу, осваивать алфавит богов, не отрывая драгоценную тушку от нормальной кухни. Сейчас Источник прямо позади гор, кстати, ненормально высоко над горизонтом. Вот и первый ориентир – я где-то в Южном полушарии. Понятно, что черная дыра движется, но и мне никто не мешает перемещаться по острову, всякий раз оказываясь под защитой этого скрытого сокровища.

В возбужденную череду мечтаний внезапно грубо вторгся желудок. Завтрак хотя и был обильный, но оставался уже далеко в прошлом. Когда меня выбросило, я как раз находился в приятном предвкушении самовольного посещения камбуза. И теперь избалованный орган требовал немедленной дозы изысканных лепешек с козым сыром и мелко нарубленным речным лохом.

Вынырнул. Ничего не изменилось. Кажется, тени стали немного короче да ветер с моря неожиданно окреп и трепал легкие парусиновые штаны – одежду, которую я неизменно надевал всегда, когда удавалось избежать требовательного контроля Аны. Горы стояли на месте. За спиной шипел песок, потревоженный особенно длинным языком, выпущенным океаном. Пришлось сделать несколько шагов вперед, моих, к слову, первых полноценных шагов тут.

Так, все-таки придется топтать. Мечты мечтами, а что делать, пока неясно.

Местный лес, очевидно, являлся родственником тому чернолесью, по которому довелось когда-то побегать в Углу. Плотное переплетение крон практически не пропускало солнечный свет, лабиринт стволов постепенно растворялся во мраке. Что-то держало, не давало безоглядно нырнуть в сумрак. Запоздало сообразил: зачем мять ноги, когда мне доступно практически мгновенное перемещение?

Нырнул. Уже не спеша, внимательно осмотрелся, выбирая направление прыжка. Отчетливо виднелся склон горы, плавно стекающий в прячущуюся от океана долину в глубине острова, что-то похожее на человеческие постройки, выделяющиеся темным пятном на мерцающем фоне. Мне – туда. Но как-то далековато. Я еще ни разу не прыгал на такое расстояние – ошибусь на пару метров и запросто переломаю ноги. Эль или не эль – неважно, кости у меня не из адамантия. По всему выходило, что я невольно осуществил мечту, – добрался-таки до того южного острова, где в древности, по слухам, располагалась какая-то важная часть проекта «Дорога домой», что-то вроде обсерватории, как я это, помнится, переводил. Похоже, древние не зря выбрали это место, только вот не из-за чистого неба или шикарного вида на черную дыру, а из-за скрытого в глубине здешних гор месторождения редкого минерала.

В последний раз оглянулся на отдалившийся берег, убедился, что в прибрежной воде никто больше не ждет, и прыгнул.

5

Полдень. Соле наконец-то добралось до высшей точки своего пути и уже примерялось, как бы половчее нырнуть за океанский край, туда, где горизонт зубрился неровными силуэтами далеких островов. Как всегда, если только не было облаков, небо менялось, растворялась привычная блеклая желтизна, добавляя зеленоватый оттенок краям полусферы над головой: «изумрудный полдень» – так называли в имперских областях эти самые жаркие часы. Кир растянулся на горячем песке, приложив ладонь козырьком ко лбу, и бездумно таращился в слепящий простор над головой. Если не поворачиваться, кажется, ничего больше и нет и ты летишь вместе с Соле совсем один по переливающимся лугам небесной пустыни.

Лена – оранжевый карлик, вторая звезда системы – окончательно спряталась в сиянии своей могучей родственницы. Ее крохотный желтый диск яркой бусиной поглядывал на планету лишь в последний час заката. Звездная игра в прятки пришлась на жаркий сезон, а значит, великий цикл завершается. Еще год – триста двадцать дней – и следующим летом Лена окончательно исчезнет, заслоненная главным светилом. Оживет Великая Пирамида, и народ Гелы будет выбирать Рэя – большое событие, случающееся лишь раз в тридцать лет, первое при жизни Кира. Финал, впрочем, предсказуем, а значит, ничто не испортит праздника: нынешний Рэй бессменно рулил Девятью пирамидами уже шестой цикл – почти сто восемьдесят лет, – и ничто не указывало на то, что ему это надоело.

Ушей коснулся визг и смех девчонок, и Кир перевернулся на живот. Могучая река, собиравшая воду трети континента, соединялась с океаном широкой дельтой, густо утыканной мелкими песчаными островками и косами. Никто, кроме тех, кто буквально жил рекой, не мог запомнить их расположение. Они рождались и умирали заново каждую зиму, вместе с новым половодьем. Главное русло несло свои воды, терзаемые многочисленными пароходами и баржами, севернее, здесь же раскинулось царство обширных мелководий. Вода оставалась пресной, но дыхание близкого моря наполняло воздух солью. Если прислушаться, можно различить далекий рокот набегавших на берег посланцев бескрайней дали Темного океана.

Излюбленное место отдыха для небогатых горожан и студентов, охраняемое самой природой: зыбкий мир, рожденный водой и ветром, не давал строить ни шалаши, ни замки. Не единожды отчаянные предприимчивые люди пытались обосноваться на острове покрупнее с каким-нибудь новомодным курортным строительством. Ну и где они? Даже свай не видать! Океан, с одной стороны, – великая река, с другой – кто мог противостоять такой парочке?

Крутой бережок соседнего островка обрывался в воду покатым склоном нежнейшего песка, по которому с визгом и хохотом летели навстречу реке малознакомые, а чаще вовсе не знакомые парни и девушки. Традиционное празднование дня Избавления было в полном разгаре. Свежеиспеченные выпускники многочисленных высших школ Ура наслаждались кратким мигом свободы, несколькими днями между получением диплома и новой работой – для тех, у кого был контракт, или новыми заботами – для тех, у кого его не было. У Кира был, но думал он не о нем. Он приехал в Ур с далекого острова на юге, принес с собой кровь потомственных островитян Пале. Высокий сухощавый парень с широченными плечами, отчего казался плоским как доска, Кир был великолепным пловцом, чем и воспользовался, по сути, малодушно удрав с праздника жизни. Девушкам нравился экзотичный сероглазый островитянин, и он охотно отвечал им взаимностью. Однако шло время и то, что раньше казалось несущественным, неожиданно оказалось важным для цветущих цветами морских кораллов сверстниц. Кир был «ра» – один из тех, чью кровь узнавала Великая пирамида, кровь Рэя. Сколько их таких? Сотни? Тысячи? Может, и больше. Они живут и умирают, а Рэй правит, и вряд ли это изменится. Что в небогатой жизни его далекой родины, что в суете большого города, принадлежность к немногочисленной касте избранных не давала особых преимуществ, разве что не

надо было платить за учебу. До сих пор Кир был уверен, что это и было единственное важное отличие от других, привилегия, которую дарила ему кровь. Благодаря ей он и оказался здесь, на богатом имперском севере, да не просто провинциальным туристом, закинутым жизнью в баронство по соседству с Великой пирамидой, а студентом высшей школы, не самой почетной, но, пожалуй, единственной в своем роде.

С давних времен первого Рэя кровь «ра» считалась ценным ресурсом: не будет «ра», не будет Рэя; не будет Рэя, некому будет править девятью пирамидами, и человечество вновь скатится к Темным временам. Оттого и запрещалось носителям крови служить в армии или заключать браки с посторонними, не членами касты. О последнем Кир никогда не думал, а зря. И да: любой из них сам мог стать Рэем – теоретически. Но Кира волновало совсем другое. Ладная, темноглазая, живая и подвижная Инге с хитроватым прищуром, что называется, зацепила одним из своих отточенных ноготков самое сердце, пульсирующую кровью плоть, стучащую в груди островитянина. Всегда легко находивший подход к девчонкам, Кир превращался в застенчивого, молчаливого юнца, охваченного пламенем болезненной тоски, пожиравшего глазами мечту, стоило той возникнуть поблизости. Девушка заметила его – трудно не заметить такую всклокоченную оглоблю с выпученными глазами и румянцем смущения на бледной коже – и ответила. Пожалуй, впервые в жизни Кир был влюблен: по-настоящему, повзрослому, по-сумасшедшему. Мир был прекрасен и ждал его с распахнутыми объятиями: он еще не закончил школу, а у него уже есть контракт на хорошее место, цикл завершается, и вместе с Инге грядет новая, яркая и манящая жизнь.

Пылало изумрудным полднем лето, спина парня плавилась под жаркими прикосновениями лучей Соле, но в голове царил сумрак.

Неделю назад вместо любимой на заветном месте у Старого моста появилась незнакомка. Моросил дождь, небо от края до края забила серая хмарь – нечастая погода для лета на севере. Тесаные камни мостовой блестели мокрыми разноцветными спинами, рельсы тонули в мутно-бурых лужах. Кир прятался от липкой воды под чугунной аркой мостового пролета, напряженно всматриваясь в изгиб набережной, откуда должно было появиться шипящее чудище паровика. Маршрут последнего описывал по городским улицам гигантскую запутанную петлю, прислонившуюся к реке. Несмотря на наличие целых двух мостов, паровик никогда не переходил на северную сторону – район частной застройки тех, кто мог себе это позволить. Состоятельные граждане не любили шум и не приветствовали перемещение под окнами всякой черни, неспособной обзавестись собственным паромобилем.

Старый мост неширокими пролетами скакал через реку по трем удобно подвернувшимся островам, два из которых щетинились лабиринтами причалов и были плотно застроены разнокалиберными пакгаузами. Далекий противоположный берег кутался в водяной дымке, пароходы блестели мокрым железом, рядом с набережной отмокала на приколе огромная ржавая баржа, поверхность реки казалась матово застывшей пузырящей неподвижностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.